

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ еженедѣльно. Цѣна съ до-
ставкою и пересылкою 5 р. За объявле-
нія взимается 10 к. со строки.

Подписка принимается въ редакціи:
домъ Подсосовой, № 49, по Углицкой
улицѣ, близъ духовнаго училища.

Годъ изданія седьмой.

№ 3.

1892 г.

Января 18.

ОТДѢЛЪ ОФФІЦІАЛЬНЫЙ.

**Списокъ лицамъ свѣтскаго званія, Всемило-
стивѣе пожалованнымъ, въ 14-й день ноября 1891
года, знаками отличія за заслуги неслужеб-
ныя по духовному вѣдомству.**

*Медальми, съ надписью „за усердіе“: для пошенія
на шею — золотыми: на Аннинской лентѣ — староста
Вознесенской церкви Каслинскаго завода въ Екате-
ринбургскомъ уѣздѣ, купецъ Алексѣй Карпычевъ; на Ста-
ниславской лентѣ — старосты церквей: Висимо-Шайтан-
ской, Верхотурскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ Василий
Бородинъ, Градо-Шадринской соборной, Шадринскій
2-й гильдіи купецъ Семенъ Пчелкинъ, соборной Куш-
винскаго завода, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Верхотур-
скій купецъ Михайль Ушковъ; серебряною: на Аннин-
ской лентѣ: Екатеринбургскій, Пермской губерніи, 1-й
гильдіи купецъ Михайль Рожновъ; для пошенія на гру-
ди, серебряными: на Аннинской лентѣ: старосты церк-*

вей: Черно-Источинской Петропавловской, Верхотурскаго уѣзда, крестьянинъ Трофимъ Солонковъ, Висимо-Уткинскаго завода, въ томъ же уѣздѣ, крестьянинъ Михаилъ Гороховъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

І. Архіерейскія служенія:

22 Декабря—въ воскресенье Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Анастасій, Епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій, совершилъ въ кафедральномъ соборѣ первую божественную литургію въ сослуженіи съ мѣстнымъ причтомъ; за литургіею былъ рукоположенъ во діакона псаломщикъ Александръ Ключаревъ.

25 Декабря—въ день Рождества Христова божественную литургію Его Преосвященство совершилъ въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи мѣснаго причта; послѣ литургіи въ соучастіи съ градскимъ духовенствомъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю избавленія Россіи отъ нашествія Галловъ.

26 Декабря,—на второй день праздника Рождества—Его Преосвященство совершилъ божественную литургію въ Ново-Тихвинскомъ женскомъ монастырѣ съ мѣстнымъ причтомъ.

27 Декабря,—по случаю храмоваго праздника, Его Преосвященство божественную литургію совершилъ въ Екатерининскомъ соборѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ.

29 Декабря—въ воскресенье—Его Преосвященство совершилъ первую литургію въ крестовой церкви въ сослуженіи ключаря протоіерея Луканина и монашествующей братіи; рукоположенъ во священника діаконъ Василій Побѣдоносцевъ.

1 Января—въ новый годъ—божественную литургію Его Преосвященство совершилъ въ кафедральномъ со-

боръ съ мѣстнымъ причтомъ; послѣ литургіи было отправлено, при участіи всего градскаго духовенства, молебное пѣніе на новый годъ; слово за литургіею произнесъ священникъ В. Лебелевъ.

5 Января—воскресенье и навечеріе Богоявленія Господня, божественную литургію Его Преосвященство совершилъ въ крестовой церкви съ монашествующею братіею.

6 Января—въ день Богоявленія Господня, Божественная литургія была совершена Его Преосвященствомъ въ кафедральномъ Богоявленскомъ соборѣ съ мѣстнымъ причтомъ; за литургіею рукоположенъ во диакона окончившій курсъ семинаріи Александръ Кроковскій.

12 Января—воскресенье — Божественную литургію Его Преосвященство совершилъ въ крестовой церкви въ сослуженіи ключаря протоіерея В. Луканина и монашествующей братіи; за литургіею рукоположенъ во священника диаконъ Александръ Кроковскій.

II. Свободныя мѣста.

СВЯЩЕННИЧЕСКІЯ: въ селлахъ: Тыгинскомъ, Новомъ, Тамакульскомъ, Куяровскомъ, Куликовскомъ Кам. у., Кокоринскомъ Шадр. у., Костинскомъ Ирбит. у.; Сосновскомъ, Останинскомъ, Тиминскомъ, Горношнитскомъ Екатеринб. у., въ заводѣ Черноисточинскомъ при едиг. церк. Верх. у. и при градо-Ирбитскомъ соборѣ (1-я в.)

ДIAKONCKІЯ: въ селлахъ: Сосновскомъ при единов. церкви, Мѣхонскомъ, Кабанскомъ, Сладчанскомъ, Першинскомъ Шадр. у., Балаирскомъ и Тамакульскомъ Камыш. у., Истокскомъ Екат. у.; въ заводахъ: Баранчинскомъ Верх. у., въ Сысертскомъ при Успенской и Сумеино-Аннинской церквахъ Екатеринб. у.

ПСАЛОМЩИЧЕСКОЕ въ селѣ Мало-Брусянскомъ Екатер. у.

ПРОСФОРНИЧЕСКІЯ: въ селахъ: Пійскомъ, Павловскомъ, Романовскомъ, Никольскомъ, Краснопольскомъ Верхот. у., Куликовскомъ, Прокопьевскомъ, Щербаковскомъ Кам. у., Мингалевскомъ, Ячменевскомъ, Верхне-Ярскомъ Шадр. у., Пестано-Колединскомъ Шадр. у., Карабольскомъ Екатеринб. у.; въ заводахъ: Висимо-Уткинскомъ и Нижне-Тагильскомъ при Выйской Николаевской церкви Верхот. у.

III. Перемѣны по службѣ.

ОПРЕДѢЛЕННЫ: запрещенный священникъ Андрей *Шестаковъ* псаломщ. въ Алапаевскій з. Верх. у. 8 Января.

Уволенный въ запасъ арміи Унтеръ-Офицеръ В. *Муромцевъ* псаломщ. въ Вилимбаевскій з. Екатер. у. 10 Января.

Псаломщ. Мало-Бруснянскаго с. *Павелъ Павловскій* діакономъ въ Уктусское с. Екатеринб. у. 14 Января.

Уволенный изъ 1 кл. Пермской Сем. *Алексій Петровъ* псаломщикомъ въ Каменскій з. Камышл. у. 13 Января.

Уволенный изъ 3 кл. Перской Сем. *Сергій Оранскій* псаломщ. въ Мѣхонское с. Шадр. у. 13 Января.

Допущены къ исправленію должности псаломщ.: діаконовскій сынъ *Василій Топорковъ* въ Турьинскіе рудники Верхотурскаго уѣзда 13 Января.

Священническій сынъ *Николай Хелидонскій* въ Синарское село Камышл. у. 13 Января.

Учитель Николаевского народ. уч. *Александръ Топорковъ* въ Каменскій з. Камышл. у. 13 Января.

ПЕРЕМѢЩЕНЪ свящ. Горнощитскаго с. *Николай Гаряевъ* въ Каменскій з. Камышловскаго у. 8 Января.

УМЕРЛИ: псаломщикъ Каменскаго завода Николай *Дерябинъ* 1 Декабря 1891 г.

Заштатный священникъ Зырянскаго села Михаилъ *Оранскій* 22 Ноября 1891 г.

Діаконъ Мѣхонск. с. Н. *Загуменныхъ* 10 Ноября 1891 г.

Псаломщ. Алапаевскаго з. П. *Удинцевъ* 7 Ноября 1891 г.

Заштатный псаломщикъ Ольховскаго села Неофитъ *Преображенскій* 2 Января с. г.

СВЯТОСЛАВЕНСКОЕ

ЕПАРХИАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТИ

Годъ изданія седьмой.

№ 3.

1892 г.

Января 18.

ОТДѢЛЪ НЕОФФІЦІАЛЬНЫЙ.

О. НИКОЛАЙ ВЪ ГОДИНУ ГОЛОДА.

(Изъ воспоминаній священника*).

Мы знаемъ, изъ Св. Писанія, что въ древности, когда народъ Божій постигало какое-либо тяжкое бѣдствіе и онъ со слезами искренняго раскаянія обращался къ Богу, то милосердный Господь изъ среды самаго народа воздвигалъ избавителя, который и спасалъ свой народъ отъ гибели.

Тоже самое происходитъ часто и въ наше время. Когда общественное бѣдствіе разливается широкой волной по какому-нибудь краю и опутываетъ своими мучительными сѣтями тысячи и миллионы народа, Господь неизмѣнно и всегда въ самую тяжкую минуту, когда, кажется, нѣтъ никакой надежды на спасеніе и впереди грозитъ лишь неизбежная гибель, неожиданно посылаетъ истомленнымъ въ страданіяхъ людямъ Свою помощь: изъ ихъ же среды онъ воздвигаетъ людей, большею

* „Русскій Паломникъ“ №№ 38—40 за 1891 г.

частью, простыхъ разумовъ, но чистыхъ душою и любвеобильныхъ сердцемъ, дарить имъ мудрость, вдохновляеть ихъ на самоотверженные подвиги, и они являются избавителями для ближнихъ своихъ. Въ этихъ случаяхъ кажется, что само бѣдствие рождаетъ изъ себя и избавленіе.

О. Николай умеръ лѣтъ тридцать назадъ, когда я былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, но я все еще помню его хорошо, онъ и теперь какъ живой стоитъ предо мною.

Но кто не помнить о. Николая? Развѣ возможно о такихъ людяхъ забывать? Въ нашей мѣстности, да не только въ нашей, а и вокругъ версть на сто всюду хранится еще о немъ добрая память, и спросите любого уличнаго подростка:

— Слыхалъ ты объ о. Николаѣ изъ Терновъ?

— Какъ не слыхатъ!.. отвѣтитъ онъ.—Бабка и мать сказывали, да и батька часто вспоминалъ про ево... Вотъ былъ пощ! вотъ былъ батька,—и-и!.. Царство ему небесное, вѣчная ему память! И, снявъ шапку, непременно перекрестится.

Мой отецъ былъ священникомъ въ сосѣднемъ селѣ, и мы часто ѣздили въ гости къ о. Николаю въ Терны. Въ то время о. Николай былъ уже глубокой старикъ, весь публенный сѣдинами, но когда бы мы съ отцомъ и матерью ни пріѣзжали къ нему, всегда заставляли его за какимъ-нибудь дѣломъ. Днемъ онъ заботился по своему хозяйству, а съ наступленіемъ вечера къ нему собирались мѣстные крестьяне, и онъ разсуждалъ съ ними о дѣлахъ ихъ, спрашивалъ ихъ о нуждахъ, давалъ имъ совѣты, а весьма нерѣдко оказывалъ имъ и болѣе существенную помощь.

Въ то время, когда я зналъ о. Николая, онъ находился уже за штатомъ, прослуживъ въ священствѣ

болѣе пятидесяти лѣтъ, и мѣсто его занималъ его зять, женатый на его единственной дочери; но прекращеніе его, такъ сказать, официальныхъ отношеній къ паствѣ не только не измѣнило ихъ взаимныхъ добрыхъ отношеній, укрѣпившихся въ теченіе полувѣка, а, напротивъ, сердечность ихъ отношеній даже усилилась вслѣдствіе этого обстоятельства и, съ уходомъ о. Николая въ заштатъ, крестьяне, его бывшіе прихожане, почувствовали еще глубже свою связь съ своимъ старымъ духовнымъ отцомъ. Въ Тернахъ, гдѣ такъ долго священствовалъ о. Николай, почти всѣ крестьяне родились на его памяти, почти всѣхъ онъ ихъ крестилъ, почти всѣхъ онъ ихъ въначалъ, на его глазахъ выросли и старились поколѣнія, онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей жизнь каждаго изъ нихъ и не только внѣшнюю, обиходную ихъ жизнь, но, въ качествѣ духовнаго отца, и сокровенную, духовную ихъ жизнь; кромѣ того, въ теченіе своего долготѣннаго священства, о. Николай жилъ съ своей паствой одною жизнью, переживалъ съ ними и трудные и радостные дни, и потому успѣлъ слиться, сродниться съ ними въ одно неразрывное цѣлое. О. Николай въ каждомъ изъ своихъ прихожанъ, старомъ и маломъ, видѣлъ своихъ дѣтей, данныхъ ему Богомъ и возвращенныхъ имъ въ общей ему и всѣмъ святой вѣрѣ, и взаимно, прихожане его въ такой степени свыклись съ своимъ духовнымъ отцомъ, что считали его самымъ существеннымъ условіемъ своей жизни и не могли даже представить своей жизни безъ о. Николая, который въ теченіе болѣе полувѣка находился въ средѣ ихъ, какъ духовный отецъ и учитель, какъ совѣтникъ, руководитель и защитникъ во многихъ бѣдствіяхъ. Вотъ почему и въ то время, когда о. Николай, влѣдствіе своей глубокой старости, удалился въ заштатъ,

терновскіе крестьяне все-таки собирались вокругъ о. Николая, какъ овцы около своего пастыря или пчелиный рой около своей матки, жажда отъ него добраго совѣта, наставленія, утѣшенія, а также и всякаго рода помощи.

Какъ-то разъ, пріѣхавъ съ отцемъ и матерью къ о. Николаю, мы застаемъ у него нѣсколько человѣкъ изъ его прихожанъ, приходившихъ къ нему со своими нуждами. Дѣло было вечеромъ. Отпустивъ своихъ кліентовъ, о. Николай, по характеру крайне добродушный, привѣтливый и гостепріимный, распорядился, чтобы замужняя его дочь приготовила чай и закусочку. Когда все усѣлись за столъ, на которомъ шумѣлъ и пыхтѣлъ старинный мѣдный самоваръ, мой отецъ замѣтилъ о. Николаю, что его должны очень утомлять эти постоянныя хлопоты съ крестьянами, обращающимися къ нему постоянно со своими нуждами. О. Николай на замѣчаніе отца только привѣтливо улыбнулся и погладилъ себя по серебристымъ волосамъ, а зять его, о. Павелъ, отвѣтилъ тестю:

— Ужь и я сколько разъ просилъ батюшку, чтобы онъ меньше утомлялъ себя, да развѣ онъ не слушаетъ меня, коль скоро касается дѣло прихожанъ! Ему не прилагать хлопотъ и заботъ о нихъ—все равно, что на свѣтѣ не жить.

— А я знаю своего батюшку хорошо и никогда ему не перечу! Возразила жена о. Павла.— Да и что перечить. Ежели бы для батюшки было не подь силу возиться съ этой обузой, такъ онъ и самъ даль бы себѣ отдыхъ. А то вѣдь весь вѣкъ у насъ такъ,—съ утра до ночи съ своими нуждами приходятъ и съ утра до ночи.

— Вотъ Варя знаетъ меня съ дѣтства и понима-

еть меня, а Павелъ думаетъ все, — заговорилъ онъ. Николай, — что мнѣ тягостна и утомительна по моимъ лѣтамъ постоянная возня съ крестьянскими нуждами. Спасибо тебѣ, Павелъ, за заботу обо мнѣ, да только ты ужь дай мнѣ волю и оставь меня такъ, какъ я есть, — подобаешь бо пастырю Христовыхъ овецъ до смерти неустанно бороться за ихъ (нужды и печали, добавилъ онъ полусуто, полусерьезно).

— О томъ, что подобаешь, я вѣдь не спорю, — возразилъ улыбаясь о. Павелъ. — Да вѣдь приходится тебѣ, батюшка, много и неприятностей терпѣть за твои чрезмѣрныя заботы о томъ, что подобаешь!.. Вѣдь, вотъ, былъ недавно такой случай: нѣкоторыхъ нашихъ прихожанъ ужь очень обидѣлъ сосѣдній богатый помѣщикъ К. — да вы, впрочемъ, знаете этого безчувственного человѣка! Батюшка вступился за крестьянъ и написалъ на К. жалобу губернатору, а губернаторъ, большой пріятель К., не вникнувъ въ дѣло, обратился къ архіерею съ представленіемъ, что вотъ, дескать, сельскіе священники сѣютъ раздоръ между помѣщиками и крестьянами. Хорошо, что преосвященный, зная хорошо батюшку, не обратилъ вниманія на губернаторское представленіе и только въ частномъ письмѣ къ батюшкѣ посовѣтовалъ ему вести себя осторожнѣе съ губернаторскими пріятелями. Могла бы выйти большая неприятность, если бы архіерей зналъ менѣе батюшку!..

— Безъ терній, сынъ мой, не проживешь, — замѣтилъ о. Николай. — Да и что то за пастырь былъ бы, который, радъя о своемъ стадѣ, помышлялъ бы только о своей личной безопасности и не былъ бы всегда готовъ положить душу за други своя!

Какъ это всегда бываетъ, гдѣ соберется въ обществѣ нѣсколько человѣкъ, отъ одной темы разговора

перешли къ другой и, наконецъ, собесѣдники перешли къ прошлой, богатой воспоминаніями, жизни о. Николая. Въ тотъ годъ, о которомъ я веду рѣчь, въ Терновской и другихъ сосѣднихъ волостяхъ были недородъ хлѣба и потому разговоръ, коснувшись этой темы, естественно перешель на воспоминанія о бывшихъ голодныхъ годахъ у насъ, въ Россіи. О. Николай въ теченіе своей 72-хъ лѣтней жизни пережилъ много голодныхъ годовъ и потому его воспоминанія объ этихъ всенародныхъ бѣдствіяхъ были особенно богаты и разнообразны. Въ особенности у него сохранилось рѣзко воспоминаніе о голодѣ, бывшемъ въ 1822 году, когда только въ девяти губерніяхъ населеніе было нѣсколько обезпечено относительно продовольствія, а во всей остальной Россіи свирѣдствовалъ страшный голодъ.

Вотъ что разсказалъ намъ о. Николай объ этомъ страшномъ народномъ бѣдствіи, при воспоминаніи котораго у него дрожали голосъ отъ внутренняго волненія и на старческихъ, вдумчивыхъ и кроткихъ глазахъ нерѣдко показывались слезы.

— Не дай Богъ, если гнѣвъ Божій начинаетъ насъ поражать за наши грѣхи! — такъ началъ свои воспоминанія старецъ о. Николай. — Я былъ еще сравнительно молодымъ колонъ-силомъ, когда бѣдствіе голода охватило всю внутреннюю Россію, а въ томъ числѣ и нашу губернію, и въ нашей волости. Уже осенніе всходы предшествовавшихъ годовъ оказались или неблагонадежными или посредственными: весною же въ 1822 году наступила крайне неблагопріятная погода для всходовъ и окончательно убила всякую надежду на урожай. Въ нашихъ волостяхъ хлѣбъ также погибъ, и къ осени мы остались безъ всякаго прокорма. Наступила страшная нужда. Еще зимы не было, а народъ уже принужденъ

были питаться конопляной жимкой, мякиной и лебедой. Отъ послѣдней, особенно у дѣтишекъ, распухали животы и появлялся голодный тифъ. Съ наступленіемъ зимы бѣдствіе грозило намъ еще болѣе ужасное, тѣмъ болѣе, что въ дѣствіе всеобщаго неурожая, намъ не откуда было ждать помощи: всѣ одинаково бѣдствовали и, при всемъ желаніи, не могли другъ другу помочь. Намъ, терновцамъ, также пришлось испытать тяжкую участь въ общемъ бѣдствіи и, не видя ниоткуда спасенія, положиться только на милость Божию да на самихъ себя.

Что было дѣлать? Гдѣ достать хлѣба для обѣщанія полей и поддержанія своего существованія въ теченіе предстоявшей долгой и страшной зимы? Мы должны были спасать себя, а наипаче своихъ дѣтишекъ, которыя, употребляя вмѣсто пищи всякій соръ, гибли какъ мухи!

Вы знаете, что благополучіе сельскаго духовенства всецѣло зависитъ отъ благополучія его прихожанъ: не нуждаются прихожане, сыты и духovenство; а разь прихожане въ нуждѣ, довѣ бѣдѣ, ту же нужду, тѣ же бѣды испытываетъ и сельское духовенство. Въ тяжелей годъ, о которомъ я говорю, духовенство во всѣхъ мѣстахъ, пораженныхъ неурожаемъ и голодомъ, страдало также, какъ и народъ. Я, какъ вы знаете, и теперь, послѣ пятидесятилѣтняго священства, и кромѣ самаго необходимаго ничего не имѣю, а въ молодыхъ и подавно ничего лишняго не имѣлъ, и частенько-таки нуждался.

Еще бы мы не нуждались, багюшка, когда ты бывало тайкомъ раздаешь крестьянамъ все, что, бывало, матушка на черный день скопляла! — замѣтила дочка о Николая.

Все при этомъ замѣчаніи засмѣялись. О. Николай также улыбулся и, затѣмъ, продолжалъ: — Много-ли я тамъ раздавалъ, — одни пустяки! Правда, бывало, моя покойная старуха скопить мѣрки двѣ—три муки или зерна, да и запрятеть ихъ куда нибудь подальше на всякій случай. А тутъ, смотришь, явилась какая-нибудь бѣднота и просить помощи. Чѣмъ же ей помочь? Вотъ и пойдешь, разыщешь спрятанный старухою кулекъ, да и подашь тайкомъ убогимъ. Старуха потомъ бросится за кулькомъ, а онъ, поди, уже давно у добрыхъ людей!.. Да иначе невозможно и на свѣтѣ жить: не будешь дѣлиться съ ближними, и Отець небесный не подѣлится съ тобою Своими богатыми дарами... Ну, да все это и не стоитъ вспоминать!... Дѣлился ли я съ кѣмъ, не дѣлился, а все-таки никогда у меня ничего лишняго не бывало; а въ неурожайные годы я терпѣлъ нужду съ другими своими прихожанами и случалось нерѣдко питаться тѣмъ же мякиннымъ хлѣбомъ, которымъ утолялъ свой голодь и самый послѣдній крестьянинъ. 1822 годъ былъ и для меня также страшень, какъ и для всѣхъ моихъ прихожанъ. Если они должны были спасать себя отъ неминуемой гибели, то забота о спасеніи отъ грозившей бѣды лежала на мнѣ сугубо: долгы мнѣ повелѣвалъ заботиться не только о себѣ, о своемъ семействѣ, но также, и главнымъ образомъ, о ввѣренныхъ моему духовному попеченію чадахъ Божіихъ. Видя ихъ страшную нищету и страданія, слыша плачь и стоны взрослыхъ и дѣтишекъ, молившихъ о нищѣ и нигдѣ ее не находившихъ, напутствуя, почти ежедневно, гибнувшихъ отъ голода и сопряженныхъ съ нимъ болѣзней, — я терзался въ душѣ при видѣ горестей и печалей своихъ часомыхъ и рѣшился для облегченія ихъ тяжелой участи, употребить

всѣ усилія и всѣ средства, какія только могутъ найдѣться въ распоряженіи сельскаго священника.

При этихъ словахъ о. Николай, подь наплывомъ воспоминаній, замолчалъ на время, погладилъ по обыкновенію свои волосы и, затѣмъ, дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ:

— Трудно мнѣ было подыять общій крестъ, намѣченный Господомъ въ тяжелую годину на всѣхъ моихъ духовныхъ дѣтей, но въ концѣ концовъ, Господь помогъ мнѣ побѣдить злое обстояніе и избавить своихъ близкихъ отъ гнѣва, скорби и нужды!..

Первой моей заботой было—подыять упавшій духъ моимъ прихожанамъ,—продолжалъ свой рассказъ о. Николай,—ободрить ихъ, вывести ихъ изъ мрака отчаянія къ свѣтлой надеждѣ на милость Господню, никогда не оскудѣвающую и вѣчно изливаемую съ высоты Небеснаго Престола на страждущее человѣчество. Съ этою цѣлью я, человекъ отъ природы вообще не краснорѣчивый, въ теченіе двухъ воскресныхъ дней вразумительно и ясно излагалъ въ церкви по Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта всѣ тѣ событія, гдѣ Промыслъ Божій обнаруживалъ спасительное свое дѣйствіе на людей въ самыя трудныя для нихъ времена, и при этомъ старался внушить своимъ слушателямъ, что малодушіе и отчаяніе есть оскорбленіе величія Божія, что надежда „не постигаетъ“ и что если кто безъ всякаго колебанія, вѣритъ въ милосердіе Божіе, тому, какъ-бы трудно ни было въ жизни, всегда придетъ спасеніе отъ Бога въ самое тяжкое время.

Подбодривъ такимъ образомъ своихъ прихожанъ, доведенныхъ постигшимъ бѣдствіемъ чуть не до отчаянія, и замѣтивъ, что дѣйствіе моихъ пастырскихъ бесѣдъ повело къ подытію ихъ упавшаго духа, я затѣмъ,

въ третій воскресный день, по окончаніи литургіи и еще не разоблачаясь, вышелъ изъ алтаря къ народу съ большимъ узломъ въ рукахъ и, попросивъ, чтобы выслушали меня со вниманіемъ, произнесъ, какъ и теперь помню такіа слова:

— Братіе мои и други! Насъ постигло тяжкое бѣдствіе, но Господь поможетъ намъ избавиться отъ скорби и нужды, если только мы твердо будемъ уповать на Него. Не забывайте никогда словъ Спасителя нашего: „претерпѣвый до конца спасется“. А теперь я расскажу вамъ, какъ въ старину, одинъ хорошій человекъ, по имени Кузьма Мининъ, спасъ русскую землю отъ иноземнаго нашествія. — Когда она въ конецъ погибала, онъ вышелъ на торгъ своего родного города, и, бросивъ среди площади все самое цѣнное свое имущество, сказалъ своимъ согражданамъ: „продадимъ жену дѣтей, все свое имущество и спасемъ отечество“. Великому примѣру Кузьмы Минина послѣдовали сначала его сограждане, а затѣмъ и весь русскій народъ: всѣ отдавали для спасенія отечества кто что могъ. Когда же пожертвованія скопились въ великомъ множествѣ, тогда собрали на эти жертвованія войско, которое, наконецъ, и освободило русскую землю не только отъ иноземнаго владычества, но и отъ всей внутренней крामолы и неурядицы. Отчего же намъ, братія, не послѣдовать благому примѣру Кузьмы Минина и не совершить въ малѣ того, что Кузьма совершилъ въ величїи? Я думаю, что и намъ подобаетъ послѣдовать доброму примѣру нашего великаго предка и для спасенія самихъ жь себя, нашихъ женъ и дѣтишекъ отъ голодной смерти, собрать все лишнее наше имущество, продать его и на вырученныя деньги купить хлѣба. Вотъ въ этомъ узлѣ, который я кладу предъ вами, находится

все, что есть самаго цѣннаго у меня, у моей жены и моихъ дѣтей; возьмите его себѣ, продайте и на вырученныя деньги купите своимъ гибнущимъ отъ голода дѣтямъ хлѣба. Кто же хочетъ послѣдовать мнѣ, пусть не сестъ свои пожертвованія прямо сюда, къ алтарю: церковь не будетъ закрыта во всю эту недѣлю. Когда же пожертвованія соберутся, мы ихъ продадимъ и обмѣняемъ на хлѣбъ. И если это средство не спасетъ насъ совсѣмъ отъ голода, по крайней мѣрѣ, оно отстранитъ нашу гибель хотя до той поры, когда Господь нумило-сердится надъ нами и спасетъ насъ совершенно отъ нынѣшняго и грядущаго бѣдствія.

Неожиданныя слова мои и пожертвованіе на общее благо своего имущества произвели на многихъ прихожанъ такое сильное впечатлѣніе, что уже въ тотъ же день къ моимъ рясамъ, женинымъ и дѣтскимъ платьямъ, кускамъ холста и кое-какимъ серебрянымъ вещамъ, доставшимся моей женѣ еще отъ покойнаго дѣда, присоединились цѣлыя горы всякаго крестьянскаго добра, а черезъ недѣлю мы увезли изъ церкви на продажу въ уѣздный городъ столько всякихъ пожертвованій, что ихъ едва можно было уложить на цѣлый десятокъ крестьянскихъ воевъ. Продавъ въ городѣ по выгодной цѣнѣ наше имущество, мы на вырученныя деньги купили хлѣба и соли, которые и распредѣлили между особенно нуждавшимися по всей справедливости: у кого семья была большая и кто былъ побѣднѣе, тому досталось больше, а у малосемейныхъ и меньше нуждавшихся — поменьше. Въ селѣ, вѣдь, каждый знаетъ недостатки своихъ сосѣдей и при дѣлѣжѣ ошибки не произойдетъ, если только не будетъ явнаго злоупотребленія. Вотъ такимъ образомъ мы на некоторое время отстранили грозившую бѣду, а когда запасы, приобрѣ-

тенные на пожертвованія, были съѣдены, я опять рѣшился подать добрый примѣръ своей паствѣ. У меня изъ скота было двѣ коровы, съ десятокъ овецъ и одна лошаденка. Добрыя и умныя были животины, хорошей породы и цѣнныя; но я долго не раздумывалъ, а запрягши лошадей въ телѣгу, привязалъ одну изъ коровъ къ задку, а полъ десятка довечекъ свалилъ прямо на телѣгу, да и выѣхалъ со всѣмъ этимъ добромъ къ церковной оградѣ, велѣвъ сторожу собрать народъ колокольнымъ звономъ. Когда собрался народъ, я на этотъ разъ не пускался въ краснорѣчіе, а прямо сказалъ:

„Други мои! весь хлѣбъ, который мы купили на наши пожертвованія, съѣденъ; намъ опять угрожаетъ злая голодная смерть. Нужно опять жертвовать, кто что можетъ. Вотъ вамъ моя лошадь съ телѣгой, вотъ вамъ моя корова, а вотъ и овечки; кто хочетъ слѣдовать моему примѣру, приводи сюда свои лишніе животы, продадимъ ихъ и опять купимъ хлѣба. Животы мы опять наживемъ, если останемся живы; а ежели съ голоду помремъ, такъ для чего намъ и скоть нашу, и излишки наши?..“

Когда я сказалъ эти слова, толпа дрогнула, послышались всхлипыванья, бабы заголосили, а за ними и мужики разразились слезами и рыданіями... Все бросились ко мнѣ, цѣловали мнѣ руки, полы моей рясы, а многіе и ноги мои обнимали и цѣловали... Не выдержалъ и я... слезы градомъ полились изъ моихъ очей... но въ душѣ было радостно и въ глубинѣ своего сердца я взывалъ: „Господи Владыко живота моего! не попусти этому доброму народу погибнуть въ конецъ отъ злаго обстоянія!“ И молитва моя Господомъ была услышана: къ вечеру того же дня у церковной ограды собралось десятка полтора лошадей, десятковъ пять телокъ, нѣ-

сколько десятковъ овецъ, множество разной домашней птицы и другого разнаго добра, безъ котораго крестьяне могли обходиться въ трудныя времена. На другой день все это опять было отправлено съ выборными людьми въ городъ для продажи...

О. Николай остановился, передохнулъ; погладилъ свои волосы и, погрузившись снова въ воспоминанія; продолжалъ:

— Не думайте, что, возбуждая собственнымъ примѣромъ своихъ прихожанъ къ пожертвованіямъ на ихъ же личныя нужды, я не имѣлъ въ виду тѣхъ границъ, до которыхъ они могли жертвовать своимъ имуществомъ безъ ущерба своему основному крестьянскому хозяйству. Я ихъ возбуждалъ жертвовать только излишки, имущество, безъ котораго они могли обойтись и лишеніе котораго не могло нарушить, подорвать въ корнѣ ихъ „крестьянства“, т.-е. самаго существа ихъ крестьянскаго хозяйства. Но какъ только я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ крестьянъ, въ порывѣ возбужденія и великодушія, начали жертвовать и самымъ существеннымъ изъ хозяйства, на примѣръ, такія вещи, безъ которыхъ хозяйство лишается опоры и не можетъ вестись въ дальнѣйшемъ, я немедленно измѣнилъ самый способъ самопомощи. Прежде всего я прекратилъ всякія пожертвованія, а затѣмъ, собравъ сельскій сходъ, предложилъ такую мѣру: выбрать нѣсколько человекъ, самыхъ вѣрныхъ и уважаемыхъ изъ прихода, и, раздѣливъ ихъ на партіи, послать однихъ для сбора милостыни въ тѣ губерніи, которыя менѣе пострадали отъ неурожая, а другихъ—ходаками къ начальству съ прошеніемъ о помощи. Такъ и сдѣлали.

Въ тѣ времена, о которыхъ я рассказываю, на святой Руси было еще мало благотворительныхъ учреж-

деній,—не то, что теперь; а о земствѣ, которое стоитъ близко къ народу, видитъ всю его жизнь, печется о его нуждахъ и въ тяжкія времена безъ всякихъ просьбъ само идетъ къ нему съ помощью,—о земствѣ, говорю я, тогда и помину не было. Правда, и тогда страдающему отъ неурожая и голода народу помогали добрые люди, но что значила ихъ помощь?—капля въ морѣ!.. Правительство также всячески помогало пострадавшимъ, но и оно всѣхъ до-сыта прокормить не могло. Не имѣя большихъ средствъ, оно помогало народу лишь въ мѣру крайней необходимости, главнымъ образомъ, для поддержанія его хозяйства, а не для кормленія, и чтобы отъ начальства можно было получить большую помощь, чѣмъ было опредѣлено по разверсткѣ, нужно было просить и просить, да просить умѣючи... Вотъ почему мы и послали въ губернію ходокъ смысленыхъ, разумныхъ, которые съумѣли бы какъ слѣдъ объяснить свое горе начальству.

Когда наши ходоки ушли—одни за милостыней, а другіе за пособіемъ къ начальству—я опять предложилъ всѣмъ—и мужикамъ, и бабамъ, и дѣвкамъ, кто только былъ въ силахъ и могъ работать, образовать изъ себя единую артель и идти во всѣ стороны на заработки, но съ тѣмъ, чтобы половину своихъ заработковъ они присылали въ приходскую церковь, въ общую кружку, которая должна находиться подъ вѣдѣніемъ самыхъ почтенныхъ сельскихъ стариковъ. Все-же, что соберется въ кружкѣ, мы должны употребить на покупку хлѣба, который и распредѣлять по ровну между всѣми семьями въ селѣ по мѣрѣ ихъ нужды. Послушали меня опять мои прихожане и разошлись всѣ, кто могъ, въ разныя мѣста на заработки. Этимъ достигалось еще и то, что въ селѣ голодныхъ ртовъ на много уменьшилось и оставшихся—стариковъ, сла-

босильныхъ, больныхъ и дѣтей—легче было пропитать, чѣмъ всѣхъ.

Господь, по молитвамъ нашимъ, благословилъ наши начинанія и видимо оказалъ намъ Свою милость за то, что мы не малодушествовали, не отчаявались, не сидѣли сложа руки въ ожиданіи гибели, а боролись съ бѣдою всѣми мѣрами и неустанно!.. Прошло нѣкоторое время, вернулись наши ходоки изъ губерніи и принесли радостную вѣсть: начальство, внявъ нашимъ мольбамъ, назначило намъ пособія больше, чѣмъ мы ожидали. А вскорѣ пришла и другая радость: ходоки, посланные за милостынею, прислали намъ значительную для села сумму денегъ и писали, что ихъ вездѣ принимаютъ, какъ братьевъ и что руки дающихъ нигдѣ на святой Руси не оскудѣваютъ. Вслѣдъ затѣмъ и тѣ, которые ушли на заработки, начали одинъ за другимъ присылать въ общую кружку половину своихъ заработковъ. Мы возликовали и возблагодарили Бога! Село наше преобразовалось и, когда мы на соборныя со всѣхъ сторонъ деньги сдѣлали значительный запасъ хлѣба, горе и смятеніе наше смѣнилось радостью и упованіемъ. Но въ радости нашей мы не остались безчувственными къ несчастью другихъ близкихъ: село наше подѣлилось своими недостатками, чѣмъ могло, и съ другими сосѣдними селами, терпѣвшими нужду больше насъ.

Когда наступили длинные зимніе дни, мы имѣли запасы хлѣба, которые постоянно понемногу пополняли на присылаемыя намъ со всѣхъ сторонъ деньги, уже не боялись голодной смерти и безъ страха ожидали прихода весны—самаго труднаго для крестьянина времени, когда и въ урожайные годы крестьяне сплошь и рядомъ сидятъ безъ хлѣба и голодаютъ.

Но, должно быть, мы рано начали радоваться и

ликовать. Должно быть, Господь еще хотѣлъ испытать наше долготерпѣніе и силу вѣры въ Его милосердіе! Потому что то, что произошло весною...

При этихъ словахъ у старца задрожалъ голосъ, голова его склонилась на грудь и очи его затуманились слезами...

Наступила ранняя весна, а съ нею пришли въ наше село и бѣды, еще горшія, чѣмъ были въ началѣ зимы. И бысть послѣдняя горше первыхъ! Истинно, это изреченіе оправдалось надъ нами вполне... Зимой мы какъ нибудь боролись съ бѣдой и, благодаря общимъ дружнымъ усиліямъ, о которыхъ я говорилъ вамъ, у насъ были кое-какіе запасы хлѣба... Хотя вдоволь, до сыта, не наѣдались, а все-же не помирали съ голода, какъ это было въ началѣ осени. Но вотъ, съ наступленіемъ весны, всѣ наши надежды пережить самое трудное весенне время рушились разомъ, ибо Господь, желая испытать наше долготерпѣніе, посѣтилъ насъ такимъ бѣдствіемъ, которое привело въ ужасъ все наше село... Самые крѣпкіе душой и вѣрой изъ моихъ прихожанъ—и тѣ поколебались, когда надъ нами стряслось новое нежданное горе... Если послѣ голода есть злѣйшій врагъ крестьянскаго благополучія, такъ это пожары!... Случившійся отъ неосторожности пожаръ на первой недѣлѣ великаго поста истребилъ чуть не половину села, а вмѣстѣ съ селомъ погорѣли и тѣ амбары, въ которыхъ хранился съ такимъ трудомъ собранный запасъ хлѣба... Воже мой! что это за страшная была минута, когда огонь охватилъ нашъ хлѣбный складъ и менѣе чѣмъ въ часъ, превратилъ его въ груды дымящагося и смраднaго угля!... Всѣ усилія наши отстоять хлѣбный амбаръ не привели ни къ чему: онъ сгорѣлъ до тла, а съ нимъ и наши запасы хлѣба... Съ этимъ

хлѣбнымъ запасомъ соединялась надежда сохранить жизнь нашу и нашихъ дѣтей; но когда эта надежда такъ внезапно и скоро погибла, селомъ овладѣло отчаяніе и безнадежная тоска... И дѣйствительно, постигшее насъ несчастіе было такъ велико, что вполне оправдывало ужасъ, который овладѣлъ моими духовными дѣтьми! Вслѣдствіе общаго по всей Россіи бѣдствія, пожертвованія къ концу зимы почти перестали приходить къ намъ, правительство, дѣлавшее неимовѣрныя усилія поддержать въ теченіе зимы пострадавшихъ отъ голода, къ веснѣ также истощило всѣ свои средства; всѣ виды хлѣба вздорожали неимовѣрно, и вотъ, въ виду такого безотраднaго положенія, мы, послѣ постигшаго насъ новаго бѣдствія, сразу стали лицомъ къ лицу со всѣми ужасами голода... Было мѣсто, гдѣ разгуляться отчаянію!...

Что было дѣлать? Чѣмъ прокормиться до новаго урожая? Чѣмъ спасти старыхъ, больныхъ и ребятишекъ отъ голода, голодныхъ тифовъ и голодной смерти? Эти вопросы жгли, мучили каждого изъ насъ, и только крѣпкая вѣра на раннее или позднее милосердіе Божіе поддерживала насъ въ нашихъ горестяхъ... Помощи не было больше ни откуда, и мы должны были сами себя спасать...

Когда разнеслась вѣсть о нашемъ новомъ ужасномъ бѣдствіи, сосѣднія деревни, а также тѣ изъ прихожанъ, которые были на заработкахъ, сложились и кое-чѣмъ помогли намъ на первый разъ. Но что значила для всего села помощь отъ людей, которые голодали и страдали не меньше насъ? Нужно было во чтобы то ни стало искать выхода изъ отчаяннаго положенія, въ которое насъ поставилъ пожаръ.

Вы знаете, конечно, находящійся въ нашемъ при-

ходѣ поселокъ Голубовку? Онъ и теперь-то состоитъ весь изъ пяти дворовъ, а въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ въ немъ жилъ только одинъ мужичекъ, Иванъ Потаповъ, по фамилиі Просвѣтовъ, родоначальникъ теперешнихъ Просвѣтовыхъ, изъ которыхъ состоитъ весь поселокъ. Бѣдовый былъ этотъ Иванъ Потаповъ! Жилъ онъ себѣ въ своемъ поселкѣ одиноко, какъ волкъ въ лѣсу, и до села почти не касался. Его наши крестьяне не любили, хотя и побаивались всегда. Да и было за что не любить! Мужикъ онъ былъ богатый, но скаредный и занимался кулачествомъ. Я его тоже не любилъ и никогда не навѣщалъ; да онъ и самъ никогда не звалъ меня къ себѣ, развѣ по нуждѣ, съ требою какою. Нажилъ онъ себѣ богатство не однимъ кулачествомъ, да ростовщичествомъ. Въ народѣ ходили про него недобрія вѣсти: сказывали, что въ молодости онъ былъ дворникомъ въ городѣ у какого-то богатаго купца; случился тамъ пожаръ; послѣ пожара у купца ничего не осталось, а Иванъ вернулся въ деревню, купилъ землицы, устроилъ себѣ отдѣльный поселокъ, да съ тѣхъ поръ и богатство у него объявилось. Зналъ и я кое-что о его прошломъ, но по священству хранилъ его тайны въ себѣ.

Вотъ когда случился у насъ по веснѣ пожаръ и мы остались совсѣмъ безъ хлѣба, крестьяне вспомнили про Ивана Потаповича; вспомнили и о томъ, что у него должны быть большіе запасы хлѣба, такъ какъ Иванъ Потаповъ и самъ всегда дѣлалъ большія запашки, и у другихъ по осени скупалъ за безцѣнокъ хлѣбъ, который потомъ и сбывалъ каждую весну по дорогой цѣнѣ. Въ уѣздномъ городѣ на рынкѣ у него былъ хлѣбный амбаръ: тамъ онъ и хранилъ свой хлѣбъ. Когда вспомнили объ этомъ, то рѣшили, что хлѣба у

Ивана Потаповича должно быть и теперь не мало, почему и обратились ко мнѣ съ просьбою: съѣздить къ Ивану и попросить у него въ ссуду хлѣба для села. Я скорѣе предпочелъ-бы къ басурманину обратиться за помощью, чѣмъ къ Ивану Потаповичу; но дѣлать было нечего: въ страшномъ горѣ, тяготѣвшемъ надъ моими прихожанами, некогда было считаться съ своими чувствами, и чтобы помочь своимъ близкимъ, я рѣшился превозмочь свои недобрыя чувства къ Ивану Потаповичу и поѣхалъ къ нему съ порученіемъ крестьянъ. Иванъ Потаповичъ встрѣтилъ меня, по обыкновенію, волкомъ, но я не обратилъ на него вниманія и прямо приступилъ къ дѣлу.

— Послушай, Иванъ Потаповичъ, — сказалъ я ему прямо, безъ всякихъ обиняковъ: сказываютъ, что у тебя есть въ городѣ большіе запасы хлѣба. Ты знаешь, какая страшная нужда теперь въ твоёмъ родномъ селѣ; не грѣхъ-бы было и тебѣ подѣлиться твоими запасами съ односельчанами! что ты на это скажешь?...

Помолчалъ съ минуту Иванъ Потаповичъ, потомъ и говорить:

— Отчего не подѣлиться? Несите денежки, и я отпущу вамъ зерна сколько угодно!

— Побойся Бога! Какія теперь денежки у крестьянъ? Отпустилъ-бы ты имъ въ ссуду безъ денегъ, а когда уродится у нихъ, они, вѣдь, отдадутъ тебѣ съ лихвою.

— А какъ не уродится, тогда что? — спросилъ онъ, глядя на меня изъ-подлобья. Безъ денегъ не отпущу, самъ скупаль, платилъ чистоганомъ, а за деньги или подь залогъ сколько угодно!...

Сколько я ни урезонивалъ его, онъ не соглашался выдать ссуды безъ залога. Что тутъ было дѣлать? Я

охотно даль-бы ему залогъ, но у меня ничего не было у самага. Думаль я, думаль, что дѣлать, а потомъ возьми да и предложи ему свой домъ въ залогъ. Оцѣнилъ онъ мой домъ въ 200 рублей и обѣщаль отпустить подъ него 200 пудовъ ржи. Я былъ очень доволенъ и этой сдѣлкой и, не сказавъ крестьянамъ по возвращеніи о залогѣ своего дома, сообщилъ имъ, что Иванъ Потаповичъ отпускаетъ имъ въ ссуду хлѣба и чтобы они готовили подводы въ городъ для нагрузки хлѣба. Повеселѣли мои прихожане и искренно помолились Богу о здравіи Ивана Потаповича.

Хлѣбную ссуду, выданную Иваномъ Потаповичемъ подъ залогъ моего домишка, мы опять раздѣлили по дворамъ и такимъ образомъ кое-какъ просуществовали до шестой недѣли Великаго поста, мѣшая съ мукой мякину, древесную кору, а подчасъ и измолотую въ порошокъ солому. Отъ этого хлѣба сильно страдали старики и больные, а ребятишки нерѣдко совсѣмъ умирали; но дѣлать было нечего: воздавали хвалу Богу и за ту скудную яству, которую имѣли. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ голодъ и скудость въ хлѣбѣ была еще больше, чѣмъ у насъ, были бы рады и тому хлѣбу, которымъ мы питались, да и того, сказывали, не было...

Къ страстной недѣлѣ опять всѣ запасы у насъ поистощились... Вотъ тутъ-то наступило для насъ время самое тяжелое! Сколько живу на свѣтѣ, а такого тяжелаго времени ни раньше, ни послѣ не приходилось переживать... На страстной недѣлѣ во всей нашей деревнѣ нельзя было найти и фунта муки.. Приблизалась св. Пасха, а намъ всѣмъ грозила голодная смерть... На этотъ разъ надежды уже не было никакой, помощи не откуда было ждать, и впереди ожида-

ла насъ лишь гибель, неизбѣжная, страшная, неотвратимая... И это въ такіе святыя великіе дни!

Сколько я ни раздумывалъ, какъ бы горю помочь, на этотъ разъ ничего не могъ придумать. Продавать и закладывать уже было нечего; да если бы и было что продать или заложить, чтобы достать денегъ на покупку хлѣба, то на Страстной недѣлѣ этого уже нельзя было сдѣлать, — кто же занимается такими дѣлами въ страстные дни!... А, между тѣмъ, помощь требовалась скорая, немедленная, иначе православнымъ людямъ нечѣмъ было и разговѣться...

Послѣ первыхъ дней Пасхи я рѣшился самолично отправиться по уѣзду за сборомъ пожертвованій; я надѣялся, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей и что хоть кое-что еще достану для своихъ прихожанъ, если пойду съ сумою самъ; но до Пасхи я не могъ отлучиться изъ села: службы въ такіе дни нельзя было прекращать, да и говѣющихъ у меня было много. Въ виду всего этого я рѣшился на такую мѣру, на которую священникъ можетъ рѣшиться только для спасенія отъ голодной смерти цѣлыхъ сотенъ людей — старыхъ, малыхъ и больныхъ...

Въ числѣ говѣвшихъ на страстной седмицѣ находился и Иванъ Потаповичъ, и я рѣшился воспользо- ваться этимъ случаемъ. Вотъ что я сдѣлалъ, — и Господи, прости меня за это нарушеніе священнической обязанности!... Когда онъ въ Великій четвертокъ вмѣстѣ съ другими подошелъ къ причастію, я остановилъ его и громко, такъ что всѣ слышали, сказалъ ему:

Возлюбленный во Христѣ братъ! Вотъ ты приступаешь къ принятію Христовыхъ страшныхъ Таинъ и предстоишь, такъ сказать, Самому Христу! Ты знаешь, какимъ страшнымъ бѣдствіемъ Господь посѣтилъ тво-

ихъ братьевъ по Христу: у нихъ хлѣба куска нѣтъ и имъ нечѣмъ встрѣтить даже Пасху Христову; не можешь ли ты, ради Христа Господа, подающаго тебѣ Свои святыя Дары, отъ своихъ избытковъ пожертвовать что-либо въ пользу страдающихъ, дабы они достойно могли встрѣтить Свѣтлое Христово Воскресеніе и прославить Бога, Отца нашего?...»

Отъ неожиданнаго моего предложенія, едва лианнаго всенародно, у Ивана Потаповича все лицо покраснѣло, потъ выступилъ на лбу и онъ едва внятно проговорилъ:

Гдѣ же взять?... У меня ничего нѣтъ...

Не лукавъ—отвѣтилъ я ему—и вспомни Ананію, наказаннаго смертію за ложь предъ Господомъ!.. Ты предстоишь Самому Господу,—не лукавъ сынъ мой! Мнѣ завѣдомо извѣстно, что у тебя есть запасъ хлѣба и ты бережешь его, чтобы продать, когда цѣны еще болѣе повысятся; удѣли же отъ избытка твоего 100 пудовъ ржи голодающимъ, и они воздадутъ тебѣ, когда Господь посѣтитъ ихъ Своею милостію и уродитъ у нихъ хлѣбъ. Ручаюсь тебѣ моимъ священническимъ словомъ—

Тишина мертвая стояла въ церкви, всѣ затаили дыханіе и ждали отвѣта отъ скунаго человѣка, но онъ ничего не отвѣчалъ и только въ лицѣ мѣнялся.

Послушай, Иванъ,—сказала я ему, наконецъ: имѣю я Господа умоляю тебя, помоги въ тяжелой, безысходной нуждѣ твоимъ ближнимъ! Не скупись и Господь наградитъ тебя десятицею. Если же ты будешь жестокосердъ и откажешь мнѣ въ моемъ моленіи, то вотъ тебѣ мое слово: по власти мнѣ данной, я не допущу тебя до принятія св. Тайнъ, и за твой прошлый грѣхъ, о которомъ вѣдомо только одному мнѣ, положу на тебя страшную эпитемію на цѣлые пять лѣтъ!..»

Затрясся весь Иванъ Потаповичъ, поблѣднѣлъ какъ полотно, стыдъ и ужасъ изобразились на его лицѣ и, когда слезы градомъ полились изъ его очей, онъ палъ ницъ предъ св. Дарами и прошепталъ:

Пощади, батюшка.. Все, что хочешь исполню, — не погуби!

Я велѣлъ дьячку поднять его и сказалъ ему:

Христось, Его же приѣмлешь въ сихъ Святыхъ Дарахъ, наградить тебя за твое милосердіе, и спасетъ твою душу отъ вѣчной гибели... Приступи!.. Приобщается рабъ Божій ....

Иванъ Потаповичъ удостоился приобщиться Св. Таинъ, а къ празднику онъ пожертвовалъ на голодающихъ 150 пудовъ муки. Мои прихожане встрѣтили Св. Пасху подобающимъ образомъ. Когда же миновала св. недѣля, я взялъ съ собою двухъ стариковъ и отправился съ ними по уѣзду къ богатымъ людямъ за сборомъ подаянія. Мой ли вить, видъ священника, просящаго милостыню на голодающихъ, или что другое только Господь благословилъ наши труды, и мы собрали столько подаяній, что кое-какъ дотянули до новой жатвы. Хлѣба у насъ уродились и мы, такимъ образомъ, были спасены отъ голода и гибели. Вотъ такъ-то приходилось намъ бороться и дѣйствовать въ страшную годину голода!..

— Да, подъяли вы, о. Николай, не мало подвига на благо вашихъ прихожанъ!.. Неудивительно, что они до глубокой вашей старости сохранили къ вамъ такую привязанность...

— Господь намъ помогъ и безпредѣльная вѣра въ Его милосердіе!.. А что-бы было, если-бы мы пали духомъ и пришли въ отчаяніе? Одинъ Господь вѣдаетъ, что-бы произошло: никто бы, пожалуй, не спасся... Охъ, какое тяжелое было время! какое тяжкое, — не попусти Богъ!..

Терпѣли мы и потомъ нѣсколько разъ голодь, но тако-го голода, какъ былъ у насъ въ 1822 году, мы уже больше не запомнимъ...

Слезы показались у о. Николая и онъ, чтобы по-давить свое волненіе, тихо гладила свою серебристую голову, напоминавшую собою голову святыхъ, какъ они изображаются на иконахъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е:

Разосланъ подписчикамъ

38 В Ы П У С К Ъ

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

Изданіе Т-ва А. ГАРБЕЛЬ и К^о въ Москвѣ, Тверская, Б. Гнѣзд-никовскій пер., домъ Марьиной.

Объясненіе словъ (Збурьевна—Зульбахъ). Приложение—
Земледѣльческія орудія.

Подписка продолжается только до выхода 50 выпуска. Отдѣльные выпуски продаются во всѣхъ книжныхъ магази-нахъ. Въ конторѣ имѣются для продажи еще слѣдую-щія изданія: Завоеваніе Алжира, Изъ жизни животныхъ, по 30 к. съ пересылкой. Программы для среднихъ учеб-ныхъ заведеній, сост. Горбуновъ—50 коп. Временныя правила для волостныхъ судей, гдѣ введены Земскіе Начальники—по 50 коп.

Лицъ, желающихъ выписать словарь наложен. платеж., контора покорнѣйше проситъ высылать на почтовые расхо-ды на 1 р. почтовыхъ марокъ, кои зачтутся въ счетъ уплаты.

ПОПРАВКА: Въ неофициальномъ отдѣлѣ № 2-го на 51 стр. въ 23 строкѣ напечатано; „ежедневно“; слѣдуетъ чи-тать: „еженедѣльно“.

Редакторъ священникъ Николай Кибардинъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ: О. Николай въ годину голода.—Объявленіе.
Дозволено цензурою. Екатеринб. Типографія Ш. Я. Сапожниковъ.